

Alberto Omar Walls

Все чувства куются в *Доме нашего детства*, который таится в самом укромном уголке души всякого художника. Одни признают это открыто, другие лишь намекают на это в своих произведениях, будь то стихи, рассказы, картины, фотографии или кино... Этот метафорический мир, скрывающийся глубоко в подсознании не только не комментируется, но не всегда осознается даже зрелыми мастерами. Писатель, как правило, не может внятно объяснить, почему он пишет, и тем более, не сможет рассказать, как он создает свои произведения, при помощи каких мыслительных инструментов.

Существует очень личная территория (пространство), к которой обращается любой писатель, хотя иногда он это делает бессознательно. Для некоторых писателей этот источник вдохновения очевиден, поскольку они не только признают, но и всячески стимулируют обращение к нему: детство, родительский дом, в котором оно прошло – вот где рождались их иллюзии и надежды. Любой дом – это живое существо, которое чувствует и страдает, дышит и умирает. Люди моего поколения по сей день ощущают бесконечную ценность того, что нас окружало тогда, тех домов, в которых мы жили: в них легко уживались разные поколения, и царило вдохновение. Наша семья долго жила в квартале Дуджи в Санта Круссе, и хотя это был городской дом, я помогал женщинам нашей семьи разжигать печь и умел зажечь керосинку, на которой они готовили всю ту вкуснятину, которой кормили нашу многочисленную семью. Каждое утро меня будили козы, которые приходили к дому, чтобы их подоили, звеня колокольчиками. Их парное молоко и кукурузная лепешка были нашим завтраком. Белая молочная пена щекотала нос и рисовала усы на верхней губе, превращая нас в стариков, и дарила нам радость на всю первую половину дня. Я закрываю глаза и слышу перезвон колокольчиков козьего стада, бредущего через улицу Рамон и Кахаль в поисках свежей травы. Еще я слышу, как пастух стучит кулаком в нашу деревянную дверь и проходит с ведром во двор. Всякий раз, услышав его стук, я бросался к окну и наблюдал за дойкой. Меня завораживал

этот короткий, ритмичный и быстрый звук струи, бьющей о стенку ведра, быстро наполнившегося белоснежной и вкусной, как сливочная карамель (конфета), пеной.

Возможно, еда не столь далека от души ~~вещей~~, особенно, если согласиться с тем, что ее функция состоит в том, чтобы питать сосуд, в котором душа обитает: т.е. тело. Пища на нашей тарелке, сколь бы проста она ни была, это часть природы. В свою очередь мы, как живые существа, тоже служим кому-то пищей. И дело не в том, что сегодня мы стали всеядны: все поглощается, проглатывается, переваривается и быстро выбрасывается. Мы живем в мире, который оставили нам наши предки, и наши потомки будут жить в мире, который оставим им мы. И эти потомки уже на подходе. Нужно абстрагироваться от потребительского понимания жизни, согласно которому все в этом мире используется, трансформируется и, в конце концов, приходит в упадок, для того, чтобы сконцентрироваться на таком простом понятии, как семейная кухня, и воспоминаниях о тарелке молочной рисовой каши, сваренной когда-то любящей рукой бабушки. Понять, наконец, что в детстве она была самым главным и достойным восхищения человеком.

Должен признаться, что в детстве меня восхищали сцены из произведений французских писателей девятнадцатого века, в которых описывались великолепные застолья, во время которых **складывались отношения** между персонажами. Возможно поэтому, сегодня я убежден, что человек формируется за семейным столом. Будучи третьим ребенком в большой семье, я вспоминаю свое детство и отчетливо понимаю, что многие важные решения зрели и принимались на кухне или в столовой. Сегодня, бродя в поисках утраченного времени по старому *Дому* моего детства, я пытаюсь возродить чувства, испытанные мною когда-то, и нахожу далекие отголоски и размытые очертания. Мы все родом из детства. Тепло родного очага, смешанное с запахом свежего хлеба, которое ты ощущал в детстве, проснувшись поутру, тихое пение или окрик, доносящиеся с кухни, - вот те специи, которые делают наши воспоминания неповторимыми.

В детстве все наши действия обусловлены временем приема пищи: до и после обеда. Возвращаясь из школы, я первым делом бежал на кухню, чтобы спросить, что будет на обед. Это было столь же привычно и естественно, как донашивать вещи за старшими братьями. Я совал нос в кастрюли, исследуя их содержимое, приходя в восторг от запахов соусов, вида фаршированных тунцом капустных листьев под майонезом; мягкие и сочные рыбные котлеты доводили меня до полуобморочного состояния, жаркое из вырезки заставляло сердце выпрыгивать из груди, фаршированные кальмары, нашпигованное мясо, тушеная курица... Можно перечислять до бесконечности! Но самым вкусным был десерт: бисквиты, мороженое, крем, всевозможные засахаренные фрукты, запах нектаринов, наполняющий дом. Ожидание полдника подчас становилось невыносимым. Но было еще одно испытание, которое в детстве казалось непереносимым, а теперь, по прошествии времени, воспринимается как нечто даже положительное: это рагу из тыквы! Тогда один только запах тыквы вызывал во мне рвотный рефлекс, а что может быть хуже перед обедом? Итак, на первое – тыква, и только потом что-нибудь вкусненькое! Вот они Инь и Янь жизни, две стороны медали, ненавязчивый урок того, что, для того, чтобы получить что-то заветное, необходимо пройти через горькие испытания.

Есть одно блюдо, которое имеет для меня некий символический смысл, потому что его часто готовили в *Доме моих воспоминаний*: мы называли его рулетки из капусты (типа голубцы). Моя бабушка со стороны отца жила в Палестине и приехала навестить нас в 1952 году. Воспоминания о ней в нашей семье связаны, в первую очередь, с запахами специй, привезенных ею с далекой родины, и экзотическими блюдами, которые с годами адаптировались в нашей семье к местным исходным продуктам и вкусовым привычкам едаков. Так, например, моя мама, Ампаро Уолс Эрнандес, называла это блюдо *Рулет из капусты, фаршированный мясом*. С тем же успехом, можно использовать виноградные или свекольные листья, по-арабски – это все равно будет *malfuf*, что означает *конверт*, в который можно положить любую начинку. Для приготовления этого блюда покупали средний кочан белой капусты и полкило говядины. Еще было нужно полтора стакана риса, два зубчика чеснока,

большая луковица, один сладкий перец, шафран, молотый перец и душица, петрушка, несколько веточек мяты, мускатный орех и соль. При покупке мяса, его сразу просили перемолоть в фарш. С кочана снимали верхние листья и целиком опускали в большую кастрюлю с водой, после чего ставили на огонь. Когда листья становились эластичными и мягкими (ни в коем случае нельзя было их разваривать!), кочан доставали из кастрюли, при этом воду не выливали. Необходимо было аккуратно, один за другим, срезать листья с кочерыжки, стараясь их не повредить. Затем из каждого листа вырезался жесткий **стебель**, и лист распадался на две половинки. На большой сковороде обжаривался мелко нашинкованный лук и сладкий перец, тоже нарезанный мелкими кубиками. Туда же добавлялся чеснок и специи. Все это постоянно помешивалось деревянной лопаточкой. Потом добавлялось мясо, и в самом конце рис. Все это как следует перемешивалось. Далее начинался процесс фаршировки: для этого брали маленькую ложечку и наполняли капустные листья, скручивая их в трубочки, наподобие сигар. Потом все эти рулетики складывались в сотейник, заливались водой, оставшейся от варки капусты, так, чтобы они полностью были ею покрыты. Крышка должна быть немного меньше по диаметру, чтобы она плотно прикрыла содержимое. Сверху клали груз и ставили на медленный огонь. Так, под грузом, рулетики томились минут 25, после чего снимались с огня, аккуратно доставались и выкладывались на плоское блюдо, заливались собственным соком или домашним томатным соусом, который предварительно готовился из местных помидоров. И самое главное: во время приготовления этого блюда, нужно было обязательно петь, причем петь веселые песни, смеяться и шутить, чтобы блюдо вобрало в себя радость и пошло на пользу всем, кто будет его кушать, т.е. всей семье...

В сегодняшней жизни, мы часто оказываемся в местах, которые, на самом деле, являются олицетворением пустоты. Нам кажется, что мы живем в наших домах, ждем вылета в аэропортах, едем по шоссе, лечимся в больнице, развлекаемся в клубах, ночуем в гостиницах, отрываемся от реальности в кинотеатрах, летаем на самолета, ездим в такси... Мы общаемся по телефону или через интернет, которые ворвались в нашу жизнь и, исподволь, украли из нашей жизни индивидуальность, подчинив ее

некой глобальной идее. Когда писатель берется за написание литературного произведения, будь-то роман или поэма, он черпает названия и имена для своих героев из своих воспоминаний, так или иначе связанных с какими-то реальными местами или людьми. Все они живут в его воспоминаниях и обретают новую жизнь в тот момент, когда писатель берется за перо и садится за письменный стол. Когда его внутренний голос находит свое выражение в написанных словах, воспоминания оживают, и персонажи обретают собственную жизнь. Сам процесс написания оживляет давно ушедшие имена и события. <...>